

М.А. ПОЛЯКОВСКАЯ
УЧЕНЫЙ И ВРЕМЯ:
К 100-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М.Я. СЮЗЮМОВА

Бурный двадцатый век постоянно вторгался в жизнь византистики и византистов. Особенно непростой оказалась судьба русского византиноведения. Первая мировая война разорвала международные связи ученых, а Октябрьская революция, гражданская война и интервенция привели к исчезновению или ослаблению прежних научных центров. Многие византилисты эмигрировали, а наследие прежней школы оценивалось в апологетических статьях как "разбитое корыто русской византологии"¹.

Время, именуемое эпохой, судьбой, стечением обстоятельств, вторгло и в жизнь молодого, подававшего надежды ученого Михаила Сюзюмова. Он был на 25 лет — с 1917 по 1942 гг. — вырван из научной среды и, оказавшись в глухой провинции, по сути дела лишен был возможности заниматься научными изысканиями. И только в пятидесятилетнем возрасте он сможет снова погрузиться в область исследований, которая столько лет была для него не более, как неосуществленной мечтой его юности.

Имя Михаила Яковлевича Сюзюмова (20.11.1893—01.05.1982) занимает особое место в истории советского византиноведения. Оно олицетворяет живую связь с русской школой византистики начала века, а через нее — с методами и идеями немецкой медиевистики прошлого столетия. Будучи в 1911—1916 гг. студентом историко-филологического факультета Юрьевского (бывшего Дерптского, позднее Тартуского) университета, М.Я. Сюзюмов учился у таких известных ученых, как А.А. Васильев, В.Е. Регель, П.А. Яковенко, М.Н. Крашенинников. Памятью о времени "ученичества" молодого Сюзюмова может служить его университетская работа "Походы южноитальянских норманнов против Византии 1081—1185 гг.", текст которой, находящийся в архиве ученого, хранит карандашные пометы научного руководителя профессора Регеля². Как известно, по совету В.Н. Регеля эта работа, получившая на университетском конкурсе золотую медаль, была подготовлена к печати и даже сдана в типографию, но не была издана по причине германской оккупации Юрьева.

В год окончания Михаилом Сюзюмовым университета были опубликованы в издаваемом университетом научном сборнике "Византийское обозрение" две его статьи — "Об источниках Льва Диакона и Скилицы" и "Об историческом труде Феодора Дафнопата"³. Интересно заметить, что с именем Льва Диакона связаны две работы ученого — первая и последняя, вышедшая уже через шесть лет после его смерти⁴. Так было угодно распорядиться судьбе. Комментарий к "Истории" Льва Диакона, написанный задол-

¹ Лозовик Г.Н. Десять лет русской византологии (1917—1927) // Историк-марксист. 1928. № 7. С. 228.

² ГАСО. Ф. Р—802. Оп. 1. Д. 3. 154 с.

³ Византийское обозрение. Юрьев, 1916. Т. 2. Отд. 1. С. 106—166; 295—302.

⁴ Лев Диакон. История / Пер. М.М. Копыленко, ст. М.Я. Сюзюмова, коммент. М.Я. Сюзюмова, О.А. Иванова. М., 1988.

го до кончины ученого, вероятнее всего, не увидел бы света, если бы не помощь московских коллег-византистов.

М.Я. Сюзюмов любил говорить о своей усвоенной с юности "немецкой" системе работы, в основе которой была тщательность и аккуратность. Несмотря на кажущуюся внешнюю рассеянность и несобранность, он до старости сохранил свои юношеские конспекты работ немецких исследователей (может быть они и помогли ему "выжить" как ученому в годы златоустовских буден). В студенческие годы Михаил жил в немецкой семье — поэтому немецкий язык он считал языком своей юности, и позднее, читая какое-либо исследование, испещрял поля темпераментной готической вязью. Тяготея к классической немецкой литературе, Михаил Яковлевич, став отцом, сочинял для своих детей полные романтики сентиментальные баллады, которые те помнят до сих пор наизусть.

В основу студенческих статей Сюзюмова положен источниковедческий сравнительный принцип. По замечанию А.П. Каждана, они являются "примером хорошего текстуального анализа, выполненного в соответствии с немецкой филологической традицией, так модной в дореволюционном Тарту"⁵.

Однако, прожив свои детские и юношеские годы в Эстонии, испытал в период студенчества влияние немецкой классической культуры, Сюзюмов подчеркивал свое чисто русское происхождение. В автобиографии, хранящейся в архиве университета, он в середине 70-х годов написал в присущей ему несколько "чуждаковой" манере (особенно если вспомнить, что она писалась для отдела кадров): "Мое происхождение: мои предки, как выселенцы из Великого Новгорода, охраняли южные границы Русского государства, в XVI—XVII вв. служили в Троицком остроге. Один из моих предков Овдей был казнен во время выступления Разина. В 1671 г. его сыновья были переселены в Пензу и поверстаны в казаки. В XVIII в. переведены на положение государственных крестьян. Мой дед Адриан имел подгородное хозяйство близ г. Пензы, мой отец Яков обучался в Пензенском училище, потом окончил Ветеринарный институт в Юрьеве и был ветеринарным врачом". Но в целом Сюзюмов был далек от мыслей о какой бы то ни было национальной исключительности и скорее был сторонником старой общеевропейской культуры, имевшей в основе античные ценности⁶.

Октябрьские события 1917 г. застали Михаила Сюзюмова в Петрограде, где он работал по теме магистерской диссертации о Феодоре Дафнопате. На одной из встреч со студентами он позднее рассказывал, что сидя в Публичной библиотеке, он услышал какие-то выстрелы, а наутро узнал, что произошла революция. Однако время круто повернуло жизнь профессорского степендиата. Он вместе с отцом и братом Борисом (семья в это время переехала в Петроград в связи с оккупацией Юрьева) стал служить в четвертой Петроградской дивизии Красной Армии, а в годы интервенции и гражданской войны оказался в составе 27 дивизии на Восточном фронте. Тяжело заболев тифом, Сюзюмов был снят с поезда в незнакомом провинциальном городе Златоусте. С этого июньского дня 1920 г. его жизнь навсегда будет связана с Уралом.

Хотя казалось бы удачно складывавшаяся жизнь была сломлена, однако Златоуст, где Сюзюмов жил до 1929 г., стал для него "голубым периодом": здесь он женился, стал отцом, здесь он познал радость преподавания, 27-летний директор школы, оторванный от книг и научной среды, излил бурлившую в нем потребность к творчеству на своих подопечных. До сих пор седые уже его златоустовские ученики с любовью вспоминают о своем Михеле — так называли они за глаза своего директора. Для них Сюзюмов 20-х годов — это и кружок филателистов со ставшей сейчас признанной "златоустовской платформой"⁷, и праздничные оперетты с либретто на школьные темы,

⁵ *Kazhdan A. Protraits of Soviet Byzantinists. 1: M.Ja. Siuzjumov // BS. 1983. Vol. 10. Pt. 2. P. 204.*

⁶ Этим тезисом я спорю с А. Кажданом. Ср.: *Kazhdan A. Portraits... P 214.*

⁷ Советский коллекционер. М., 1925, № 5 (3). "Златоустовская платформа" коллекционирования марок по историческим сюжетам повторно была опубликована в журнале: Советский коллекционер. 1971, № 9, С. 3—20. К столетию со дня рождения ученого в связи с его заслугами в области филателии выпущен конверт с его портретом.

и не очень поощряемые местным начальством танцевальные вечера, когда директор сам садился за рояль или учил школьников мазурке. Сюзюмов жил тогда при школе вместе со своей женой, учительницей французского языка Валентиной Михайловной. Здесь и родились их дети — Людмила, которая станет доктором биологии, и будущий геолог Лев. "Михель" ввел в школе преподавание отвергнутого эпохой латинского языка, а параллельные классы назвал буквами греческого алфавита...

Снова вторглось время в жизнь Сюзюмова в апреле 1936 г., когда за связи с иностранными коллекционерами марок он был арестован органами НКВД. К счастью, после девяти месяцев пребывания в свердловской тюрьме, Сюзюмов был освобожден. С присущим ему жизнелюбием он, вспоминая об этом времени на юбилее в связи с его 80-летием, сказал, что он как историк благодарен судьбе, позволившей ему познать совершенно незнакомую среду и познакомиться с интересными людьми. Однако на деле все было не так просто. В письме конца 30-х годов, хранящемся в Свердловском партийном архиве, М.Я. Сюзюмов писал в адрес горкома партии: "Все мои попытки получить должность преподавателя истории в г. Свердловске оказались безуспешными. Во всех учреждениях я получал в той или иной форме отказ, причем единственной причиной была моя судимость. На тот факт, что я имею помилование ВЦИКа, никто не обращает внимания"⁸.

С того сентябрьского дня, как М.Я. Сюзюмов в последний раз вышел из здания петербургской библиотеки, прошло уже двадцать лет. А как же византиноведческие штудии, которым было отдано в юности столько сил и увлеченности? Все эти годы Сюзюмов был оторван от греческих текстов, от новейших зарубежных исследований, от научной среды. Да и ситуация в таком научном направлении как византиноведение была в 30-е годы явно неблагоприятной. Идеологически считалось по крайней мере непоощрительным заниматься историей империи, передавшей по наследству России такие одиозные по понятиям тех лет институты как самодержавие и православие.

По всей вероятности, Сюзюмов продолжал свои научные штудии, по крайней мере с переездом в Свердловск. В 1937 г. он послал в редакцию "Исторического журнала" большую (не менее 5 печатных листов) работу "Византийское государство и византийская культура"⁹. Видимо, появление письма Сталина и Жданова о важности преподавания истории показалось ему обнадеживающим. Однако из редакции пришел ответ от 4 августа 1937 г. со следующей рекомендацией: "В качестве канвы для Вашей статьи рекомендуем придерживаться соответствующей главы "Краткого курса истории СССР". Михаил Яковлевич темпераментно отреагировал на этот совет, начертав на письме из редакции свою "горячую" резолюцию¹⁰.

В конце 30-х годов был написан Сюзюмовым на материалах сочинений Ливания, Исидора Пелусиота, Михаила Пселла и других византийских авторов небольшой этюд "Вопросы дисциплины в византийской высшей школе"¹¹. Видимо, ученый искал возможности "пробиться" в печать, но статьи его так и не были напечатаны. Однако именно в эти годы им "вынашивалась" общая концепция византийской истории. Во всяком случае в работе "Византийское государство и византийская литература" Сюзюмовым впервые обоснован тезис о борьбе двух группировок господствующего класса как одной из структурообразующих всей системы византийского феодализма¹².

Надо полагать, что М.Я. Сюзюмов с конца 30-х годов начал активную научную работу. Судя по вложенному в одну из хранящихся сейчас в архиве ученого работ бланку его читательного требования Фундаментальной библиотеки общественных наук¹³,

⁸ Уральский рабочий, 1989, 23 марта, С. 3.

⁹ ГАСО, Ф. 802 р. Д. 5.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, Д. 67.

¹² ГАСО, Ф. 802 р. Д. 5. Л. 11.

¹³ Там же, Д. 67.

датированному февралем 1941 г., Сюзюмов бывал в московских библиотеках и читал исследования зарубежных византинистов.

Однако уже четверть века прошло с тех пор, когда были опубликованы студенческие статьи М.Я. Сюзюмова. Эти двадцать пять лет, пожалуй, и можно назвать подвигом ученого. Казалось бы, что жизнь бывшего профессорского стипендиата складывалась так, что можно было уже давно забыть о научных начинаниях юности. Жизнь в провинции, где само слово "Византия" означало что-то экзотическое и эфемерное, никаких надежд на публикации, на общение с единомышленниками... Поистине достойно удивления и восхищения упорство ученого.

Начавшаяся в июне 1941 г. Отечественная война стала новым этапом в жизни М.Я. Сюзюмова. Будни тылового города несли новые лишения. И вдруг капризная Тиха снова все перевернула в судьбе ученого, а может быть и вернула на круги своя. В Свердловск были эвакуированы архив Херсонесского музея, Эрмитаж, часть кафедр Московского университета — появилась научная среда. И вот в год своего пятидесятилетия М.Я. Сюзюмов защитил кандидатскую диссертацию, посвященную проблемам иконоборчества в Византии. Одним из оппонентов был находившийся в Свердловске в связи с эвакуацией А.И. Неусыхин. Научная баталия, вспыхнувшая в ходе защиты, была продолжением давнего для медиевистики спора германистов и романистов. Сюзюмов, в отличие от Неусыхина, выводил средневековую цивилизацию из романских начал. Позднее он напишет одному из своих корреспондентов: "В 1943 я защитил кандидатскую диссертацию в отчаянном споре с Неусыхиным о "дофеодалном периоде"¹⁴.

В диссертации, частично опубликованной в 1948 г.¹⁵, М.Я. Сюзюмов опроверг традиционную концепцию иконоборчества, сформулированную К.Н. Успенским, утверждавшим, что иконоборческая политика византийских императоров была направлена против возросшей влияния монастырей, обладавших крупной земельной собственностью. Сюзюмов доказал, что иконоборчество не могло быть борьбой за конфискацию церковно-монастырской земельной собственности, поскольку в VIII в., когда началось это движение, церкви и монастыри не имели еще большого количества земель. Выбросив этим основной "кирпич" в фундаменте концепции Успенского, Сюзюмов обосновал свое понимание иконоборчества. Он показал, что это общественное движение, начавшееся в форме ереси, было использовано провинциальной знатью для усиления ее общественного авторитета и подрыва власти столичной чиновной знати. Позиция фемной военно-служилой знати была реализована в деятельности императора Льва III Исавра, когда борьба против икон стала борьбой за подрыв влияния церкви. Для дискредитации драгоценных церковных реликвий были использованы лозунги ереси, подхваченные провинциальной знатью. Противниками политики императоро-иконоборцев выступили представители столичной знати в союзе с официальной церковью. Исходящее от иконоборцев требование конфискации икон, а также золотой и серебряной священной утвари было направлено на ослабление этих группировок. Таким образом, одно из сложнейших явлений византийской истории — иконоборчество — было объяснено М.Я. Сюзюмовым в ключе разработанной им позднее концепции о столкновении в ходе феодализации двух группировок знати, носителей альтернативных тенденций развития страны.

Сам внешний вид диссертации несет в себе печать времени, с одной стороны, и, с другой, — позволяет вспомнить всегда отличавшую ученого неординарность поведения. Трехтомному тексту диссертации¹⁶ предпослано автором Praefatio ad lectorem, где автор говорит читателю о трудностях военного времени, об отсутствии возможности получить новейшие исследования, о плохой копируемой бумаге и отсутст-

¹⁴ ГАСО. Ф. 802 р. Д. 154. Л. 4.

¹⁵ Сюзюмов М.Я. Проблемы иконоборческого движения в Византии // Учен. зап. СГПИ. Свердловск, 1948. Вып. IV. С. 48–100. В этой работе опубликованы вводная, заключительная 6 и 9 главы диссертации.

¹⁶ ГАСО. Ф. 802 р. Д. 6–8.

вии машинисток. Упоная на то, что труд его попадет в руки просвещенного и понимающего читателя, диссертант заканчивает свое обращение к нему пожеланием благополучия: *Ita vale, Lector erudite*. Отпечатанная на плохой разносортной бумаге диссертация имеет однако латинское название *De rebus iconomachorum byzantinorum disputatio* с указанием времени ее выполнения как *Anno Domini 1943*, так и *Mundi — 7451*. Особенно волнует посвящение диссертационной работы учителю Сюзюмова Василию Регелю: *Venerandae memoriae Basili Regel magistri dilectissimi desideratissimi sacra*.

Как позволяют выяснить материалы архива М.Я. Сюзюмова, создание уральского центра византиноведения было задумано ученым именно в эти трудные военные годы. В письме от 1972 г. Сюзюмов писал: "Школа уральская — с 1942 г., когда здесь, в Свердловске собирались Стржелецкий, Виноградов, Сюзюмов, Суров, которые мечтали сделать Свердловск центром византиноведения"¹⁷. Позднее Михаил Яковлевич часто вспоминал об этих вечерних разговорах за чаем, когда каждый приходил со своим кусочком сахара. Это был важный период в жизни ученого — появились единомышленники: Станислав Францевич Стржелецкий, сотрудник Херсонесского музея, привезший его архив из Севастополя в Свердловск, Евгений Георгиевич Суров, коллега по кафедре педагогического института, будущий глава Крымской археологической экспедиции, и Александр Иванович Виноградов, университетский профессор античности. И как не вспомнить воспетых Беранже безумцев, когда представившись тех, кто в заснеженном голодном Свердловске военного времени вынашивал дерзкую мечту о создании на Урале центра византиноведения и Уральской экспедиции в уникальный античный и средневековый город на территории нашей страны — Херсонес, бывший в это время в руках захватчиков.

В 40-е годы М.Я. Сюзюмов начал свои исследования по проблеме византийского города. Толчком к этому была проводившаяся сначала в чисто практических целях (обеспечить студентов необходимым материалом для проведения семинарских занятий) работа по переводу на русский язык "Книги Эпарха". Затем ученым был подготовлен к изданию перевод текста в виде научно аргументированного исследования, которое увидело свет в серии Ученых записок Свердловского педагогического института¹⁸. Посылая его в 1949 г. коллеге по времени эвакуации профессору Н.Е. Застенкеру, Михаил Яковлевич писал: "Посылаю Вам свою "Книгу Эпарха". Я ее переводил при свете разных лекарств вроде касторки, ихтиола (когда не было у нас в Свердловске света)"¹⁹. Эти строки красноречиво говорят об условиях работы ученого в послевоенной провинции. Переведенная же в это время "Книга Эпарха" ляжет позднее в основу цикла работ Сюзюмова по византийскому городу.

Как ученый М.Я. Сюзюмов отличался неприятием того, что считалось в науке общепризнанным и незыблемым. Эпиграфом ко всему его творчеству могли бы стать слова, сказанные им в отношении русского византиниста Б.А. Панченко: "Если бы в историографии не появлялись ученые, которые не боялись выступать против "прочно установившихся взглядов", историография и поныне находилась бы на позициях блаженного Августина"²⁰. Через несколько лет после переосмысления им официальной теории иконоборчества Сюзюмов выступил с критической статьей по поводу концепции цирковых партий²¹. По мнению С. Манойловича, чья точка зрения стала официально признанной и вошла в учебники, борьба цирковых группировок была столкновением двух могущественных социальных группировок — земельной аристократии и крупных торговцев. Эти группировки, по Манойловичу, жили в разных кварталах Константинополя и придерживались различных религиозных верований и объединялись на

¹⁷ ГАСО, Ф. 802 р. Д. 154, Л. 4.

¹⁸ Книга Эпарха // Учен. зап. СГПИ, Свердловск, 1949, Вып. VI.

¹⁹ Письмо обнаружено в одной из книг фонда Застенкера в библиотеке исторического факультета Уральского университета.

²⁰ Сюзюмов М.Я. Научное наследие Б.А. Панченко // ВВ, 1964, Т. 25, С. 37. Примеч. 16.

²¹ Сюзюмов М.Я. Политическая борьба вокруг зрелищ в Восточно-Римской империи в V в. // Учен. зап. УрГУ, 1952, Вып. 2, С. 84–134.

ипподроме вокруг различных конных заездов и цветов одежды возничих — голубых и зеленых. Сюзюмов же, вопреки концепции Манойловича — Дьяконова и их последователей, понимавших под термином *οἱ βῆλοι* жилой квартал и цирковые группировки, доказал, что этот термин в IV в. означал народ, чернь. Признавая, что ипподром IV—VI вв. был центром проявления общественных конфликтов, Сюзюмов полагал однако, что соперничество "зеленых" и "голубых" не было борьбой купцов и собственников земли, а противостоянием тех, кто поддерживал городское самоуправление, и сторонников государственной централизации.

Вскоре, в 1954 г., М.Я. Сюзюмов защитил в Институте всеобщей истории докторскую диссертацию, посвященную византийскому городу-эмпорию в период генезиса феодализма. Хранящаяся в архиве 4-томная диссертация²² объемом более 1200 страниц содержит огромный конкретно-исторический материал, который, в отличие от концептуального, не нашел отражения в опубликованных работах ученого. Концепция же континуитета и значимости города в историческом развитии Византии легла в основу всех его последующих исследований.

"Оттепель" в общественной жизни страны, наступившая после смерти Сталина, позволила Сюзюмову занять следующую ступеньку научного признания. Если до сих пор многие из ортодоксов, считая его эрудитом, с сомнением относились к его методологической платформе, то сейчас Сюзюмов получил университетскую кафедру. С этого момента — осени 1955 г. — начинается новый период в жизни ученого. Разрабатываемая им идея континуитета легла в основу кафедрального научного сборника "Античная древность и средние века", первый выпуск которого вышел в 1960 г. Годом раньше состоялась первая экспедиция в Херсонес. Мечты начала 40-х годов начали осуществляться. Проблема города и городского континуитета становится в эти годы определяющей идеей в творчестве М.Я. Сюзюмова. Оппонируя официальную концепцию византийской истории, ученый считает ее основой не сельскую общину, а город.

Византийские города IV—VI вв., согласно точке зрения М.Я. Сюзюмова, по характеру собственности на средства производства и организационным формам имели прямую преемственность с позднеримским обществом. Ученый отмечал античное происхождение всех византийских городов, как балканских, так и малоазийских. Он категорически отрицал тезис о том, что византийский город возник в результате отделения ремесла от сельского хозяйства, а именно этот тезис был определяющим в советской медиевистике. Сюзюмов подчеркивал особое значение товарного производства и товарного обращения в византийских городах при переходе от античности к средневековью. Город, с его точки зрения, был в это время экономически развитым центром товарного производства "со сложившимся ремеслом, торговлей, установившимися веками формами эксплуатации городской знатью свободного населения и, кроме того, с торговыми связями и сельской округой большого радиуса"²³.

В центре внимания М.Я. Сюзюмова были преимущественно города-эмпории. Существование крупных торговых городов, сориентированных на внешнюю торговлю, во многом, по Сюзюмову, было предопределено географическим фактором. Поскольку Константинополь не был расположен на реке, которая бы могла связать различные районы полуострова и этим способствовать созданию внутреннего рынка, характер константинопольской торговли был пассивным. Внешняя торговля придала столице временный блеск, но задержала рост провинциальных городов и развитие внутреннего рынка²⁴. Однако Сюзюмов не сводил объяснение такого феномена, как рас-

²² ГАСО. Д. 17—20.

²³ Сюзюмов М.Я. К вопросу об особенностях генезиса и развития феодализма в Византии // ВВ. 1960. Т. 17. С. 4; Он же. Экономика пригородов византийских крупных городов // ВВ. 1956. Т. 11. С. 55—81.

²⁴ Сюзюмов М.Я. О роли закономерностей, факторов, тенденций и случайностей при переходе от рабовладельческого строя к феодальному в византийском городе // АДСВ. 1965. Вып. 3. С. 9—10.

цвет ранневизантийского города, лишь к воздействию географического фактора. Он отдавал должное сохранению традиций как в сфере ремесла и торговли, так и в сфере государственности и культуры²⁵.

Особую позицию Сюзюмов занимал по проблеме города "темных веков". Придерживаясь концепции континуитета позднеримского общества, ученый признавал, что в эту эпоху некоторые экономические и политические институты, характерные для античного города, отмирают, а новые, свойственные средневековому городу, еще не оформились²⁶. Однако полной дезурбанизации не могло быть в тех странах, которые развиваются в условиях континуитета государственного управления. Так, всеобщей дезурбанизации не было ни в Византии, ни в Италии, ни в арабских странах, ни в Китае²⁷. Это явление, по Сюзюмову, возможно лишь там, где переход от античности к средневековью происходит в условиях полной ломки государственного аппарата. Тот же факт, что кризис античной цивилизации сказался прежде всего на состоянии города, по Сюзюмову, является естественным явлением, поскольку крушение разбовладельческого строя затронуло прежде всего те институты, которые активнее были связаны с рабовладением.

М.Я. Сюзюмов не считал византийский город неизменным институтом²⁸. Он писал: "Город в Византии всегда был центром развития, сохранения цивилизации"²⁹. Отрицая дезурбанизацию, он замечал, что "крах рабовладельческих отношений в Византии был не единовременным актом, но процессом, продолжавшимся длительное время". Этим тезисом ученый, собственно, продолжает спорить с современной концепцией Каждана и Катлера³⁰. Если эти авторы пишут о наличии цезуры в развитии города, то Сюзюмов, писав о постепенных качественных переменах в городе, не усматривал этой цезуры в период "темных веков".

Собственно, спор между Сюзюмовым и Кажданом является давним. Многие их письма друг другу посвящены этой проблеме. В письме от 9 октября 1963 г. Сюзюмов писал своему постоянному оппоненту: "Наша средневековая дуэль из-за Прекрасной Дамы — η πόλις — продолжается". Поскольку речь шла об определении города и его атрибутах, Сюзюмов добавляет в письме: "Нужно было бы говорить не полис, а полида: спор идет о характеристике прелестей этой Дамы"³¹. Взаимные аргументы и контраргументы, используемые в споре, ученый в присущей ему серьезно-шутливой манере сравнивает с приемами борьбы на рапирах: "В дуэли я действую ангаже, Вы перешли к фланконаде, придется и мне применить этот прием — Вы отводите мое положение боковым ударом..."³².

Состояние постоянного спора было естественным для М.Я. Сюзюмова. В споре он не был жесток или агрессивен, а скорее испытывал состояние удовлетворенности и вдохновения. Встречаясь с кем-либо из коллег, тоном, каким обычно говорят комплименты, Сюзюмов прежде всего произносил: "А я с Вами не согласен". В таком же духе выдерживались и его письма. Некоторые из столичных профессоров стали в связи с этим его недругами.

Если в период хрущевской "оттепели" ситуация для дискуссий в науке была в какой-то степени благоприятной, то к середине 60-х годов "погода" резко изменилась. Снова стала культивироваться официальная концепция исторического развития. В медиевистике одной из определяющих тем была проблема "омолодившего" Европу влияния варварства. Сюзюмов же видел "омолаживание" только в том, что в результате деструк-

²⁵ Сюзюмов М.Я. Роль городов-эмпориев... С. 29–30.

²⁶ Сюзюмов М.Я. Византийский город (середина VII — середина IX вв.) // ВВ. 1967. Т. 27, С. 39.

²⁷ Там же. С. 43.

²⁸ Ср.: Kazhdan A. Portraits... P. 210.

²⁹ ГАСО, Ук. Ф. Д. 154. Л. 4.

³⁰ Kazhdan A., Cutler A. Continuity and Discontinuity in Byzantine History // Byz. 1982. Т. 52. P. 429–478.

³¹ ГАСО, Ук. Ф. Д. 153. Л. 3.

³² Там же.

тивного воздействия варварских завоеваний Европа была отброшена в младенческое состояние³³. На основе концепции континуитета он выводил многие средневековые институты, в том числе и город, из античных начал. Его доклад о происхождении средневекового города и множественности его функций в раннесредневековой период стал объектом критической атаки на научной сессии, подводившей в июне 1966 г. итоги и задачи изучения генезиса феодализма в Западной Европе³⁴.

Если византилисты, начиная со времени появления работы об иконоборчестве, относились к Сюзюмову с глубоким уважением, "прощая" ему отступления от официальной концепции исторического развития, то для медиевистов Москвы после сессии 1966 г. он был *persona non grata*. Сюзюмов писал одному из коллег: "...после выступления против господствующей школы самобытного перепрыгивания в феодализм от родоплеменного общества против меня начинает действовать Аракчеевский режим..."³⁵. Многие, судя по материалам архива Сюзюмова, либо вообще не отвечали ему на письма, либо высокомерно и немногословно отвергали, не приводя аргументов, его концепцию. Один из названных Сюзюмовым сотрудников журнала "Вопросы истории", по замечанию ученого, не отвечал на его письма "как екатерининский вельможа"³⁶. Видимо, обращаясь к потомкам, задетый изоляцией Сюзюмов написал о "полном надменности" письме московской ученой дамы: "Письмо храню — может быть после смерти в архиве кто-либо прочтает"³⁷.

Вскоре после дискуссии 1966 г. Сюзюмов написал в дружеском письме А.Д. Люблинской: "Вспоминаю о наших спорах в Москве. Я думаю, что в настоящее время спор романистов и германистов должен перейти в новую фазу, не отрещиваться от этого спора. В настоящее время, когда к социализму подходят и капиталистические и отсталые страны, делается ясно, что перейти к социализму можно *только* перенеяв все основное, что сделано в капиталистических странах Европы... Не так ли было и в IV—VI веках?... а если кто из "восторженных" историков последний этап родоплеменного общества старается признать феодальным, то вряд ли можно восторгаться этими восторгами"³⁸.

Нетерпимое отношение к инакомыслию, которым характеризуется брежневское время, сказалось и в Уральском университете. В начале 70-х годов по письму одного из профессоров в партийное бюро исторического факультета была создана комиссия, расследовавшая, пропагандирует ли Сюзюмов в своих лекциях буржуазные взгляды. Автор этих строк был назван в письме как человек, разделявший буржуазные взгляды Сюзюмова. К счастью, в комиссию умышленно были включены люди, осознававшие значимость таланта Сюзюмова: они свели свою работу лишь к соблюдению необходимого в те времена "протокола".

Однако ситуация не могла заставить Сюзюмова отказаться от его склонности к научным спорам. Когда приказом ректора на кафедрах университета были созданы научные семинары, профессор, восторженно надеясь на ежемесячные научные баталии, предложил коллегам вывешивать на дверях кафедры тезисы докладов — "как Лютер". В большинстве случаев докладчиком был сам Сюзюмов. В день семинара у него обычно было великолепное приподнятое настроение. Он садился на краешек стола и самозабвенно боролся за свои идеи. Правда, его оппоненты были далеко от Свердловска, а слушатели были его учениками и единомышленниками.

Ведущей темой докладов и статей Сюзюмова в 70-е годы была проблема континуитета, идея, которой, по сути дела, освещено все его творчество. Выводя средне-

³³ Сюзюмов М.Я. О "самостоятельном пути" становления феодализма у германцев // АДСВ. 1983. С. 14—23.

³⁴ СВ. 1966. С. 77—118.

³⁵ ГАСО. Ук. ф. Д. 154. Л. 1.

³⁶ ГАСО. Ук. ф. Д. 163. Л. 5 об.

³⁷ Там же. Л. 1.

³⁸ ГАСО. Ук. ф. Д. 166. Л. 1 об.

вековую европейскую цивилизацию из античных основ, полагая, что варварские орды принесли Европе лишь разрушения, пожары и убийства ("Признаем варварские вторжения как шаг назад"³⁹), Сюзюмов по сути дела противостоял советской медиэвистике, для которой характерна была в те времена некоторая идеализация варварского влияния, несколько смягченная понятием "синтез". Однако сам термин "континуитет" он стал использовать лишь с конца 60-х годов: он был одиозным и считался атрибутом буржуазной исторической науки.

Однако само употребление понятия "континуитет" еще не определяет сути концепции ученого. В отличие от сторонников признания значимости в историческом процессе фактора традиций, являющихся основой существования неизменных общественных институтов⁴⁰, М.Я. Сюзюмов понимал под континуитетом непрерывность развития. Ученый нетерпимо относился к стремлению изолированно рассматривать одну общественную формацию от другой. Он писал с сарказмом о подобных исследованиях: "Новая формация — и все новое! ... Все новое о новом!"⁴¹. Считая, что в основе осмысления прошлого должны лежать процессы, он писал: "Есть лица, которые мыслят "моделями": капитализм так капитализм, феодализм, так феодализм... Модель — придуманная нами платоновская идея, процесс — объективная реальность"⁴². Сюзюмов понимал континуитет как преемственность такого рода, когда при рождении новых отношений конструктивное сочетается с деструктивным, когда развитие совершается на базе достижений старого при отмирании тормозящих прогресс основ прошлого строя. Для ученого вопрос о генетике явления всегда был решающим в его оценке. Конкретные исследования, проведенные им, доказывают, что возникновение всех византийских институтов — и в сфере экономики, и в сфере государственности, идеологии, права — уходит своими корнями в античность⁴³.

Признавая принцип преемственности первейшим в методах научного исследования, М.Я. Сюзюмов категорически не признавал тезиса о возможности трансальтации в формационном развитии (он называл это "перепрыгиванием", "перескакиванием"⁴⁴) без влияния извне, полагая, что при изучении "самобытных" институтов их нужно рассматривать не изолированно, а с учетом импульсов окружения: "прогресс имеет силу радиации на окружающее"⁴⁵.

Поскольку, как писал М.Я. Сюзюмов, "каждая формация представляет собой институт *sui generis*, со своими закономерностями", стремление ограничиться рамками одной формации порождает сепаратизм при изучении таких институтов как государство, город, деревня, наемный труд, собственность. Ученый подчеркивал, что при изучении общественных институтов на одной формационной горизонтали можно лишь выявить их специфику; сущность же явлений или институтов постигается в его вертикальном изучении. "На основании вертикальных аналогий, — писал он, — мы убеждаемся в реальном бытии явлений, общественных институтов..."⁴⁶. В этом утверждении ученого заложен глубокий историзм всех его исследований.

Связь времен, по Сюзюмову, проявлялась в возможности существования в зачаточной форме отдельных элементов экономики и социальной структуры, которые лишь много позднее станут укладом. Так, он писал о предпринимательстве и наемном труде применительно к Римской империи и ранней Византии⁴⁷. Он усматривал модерниза-

³⁹ ГАСО. Ук. Ф. Д. 154. Л. 4.

⁴⁰ Ср.: Weiss G. Antike und Byzanz: Die Kontinuität der Gesellschaftsstruktur // BZ. 1977. Bd. 224.0 S. 529–560.

⁴¹ ГАСО. Ук. Ф. Д. 154. Л. 3 об.

⁴² ГАСО. Ук. Ф. Д. 154. Л. 4.

⁴³ См.: Сюзюмов М.Я. К вопросу об особенностях генезиса...; *Он же*. Борьба за пути развития феодальных отношений в Византии // ВО. М., 1961; *Он же*. Византийский город...; *Он же*. Историческая роль Византии и ее место во всемирной истории // ВВ. 1968. Т. 29.

⁴⁴ ГАСО. Ук. Ф. Д. 154. Л. 4.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Сюзюмов М.Я. Модернизация и сепаратизация // АДСВ. 1975. Вып. 11. С. 45.

⁴⁷ Сюзюмов М.Я. Предпринимательство в византийском городе // АДСВ. 1966. Вып. 4.

цию не в применении терминологического аппарата, выработанного современной исторической наукой, к эпохе, которая не знала этих понятий, а в извращении толкования характера эпохи в силу неверной исторической интерпретации тех явлений, которые обозначаются используемым термином.

В феврале 1972 г. М.Я. Сюзюмов написал письмо Г.Л. Курбатову с изложением платформы уральской школы. Здесь он разъясняет свое понимание континуитета: "... отказ от устарелого, но с развитием достижений прошлого (против пролеткульта, покровщины, структуралистов и т.д. и т.п.). Придерживаться историзма — т.е. чтобы понять явление, общественный институт — следует начинать с генезиса, этапов прохождения и тогда — к явлению..."⁴⁸. Много раз обращавшийся к теме борьбы нового и старого в переходные эпохи, ученый еще раз выделил в этом письме один из тезисов своей платформы: "Разлагающийся строй пытается путем *адаптации* элементов нового сохранить свою власть..."⁴⁹. Как точно проецируется эта мысль ученого на сегодняшний день переживаемой страной новой переходной эпохи!

В концепции М.Я. Сюзюмова значительное место отводится государству и праву, поскольку наличие сильной государственности и развитого права было отличительной чертой Византийской империи по сравнению с Западной Европой вплоть до XI в. Признавая, что "идея сильного централизованного государства была по преимуществу прогрессивной в средние века"⁵⁰, ученый, однако, не был панегиристом византийской системы власти. В написанном в 30-е годы очерке "Византийское государство и византийская культура" он отмечал, что византийское государство более, чем какой бы то ни было другой институт, способствовало консервации старого, отжившего⁵¹. Сюзюмов называл Византию страной классической бюрократии со всеми присущими ей недостатками — продажностью, волокитой, формализмом, враждебностью к народу⁵². Нередко он проводил прямые параллели между византийской и советской бюрократией, сделав это впервые в 1937 г.⁵³ Советская система сильной власти не вызывала у него неприятия (он был, вероятно, подготовлен к ней усвоенной еще в юности историей Византийской империи), а в "схватках" с бюрократией он использовал чисто византийские приемы. Когда Министерство высшего образования решило сократить в университетах количество учебных часов на изучение латинского языка, он, возмущенный этой политикой обскурантизма, написал письма самому главному чиновнику по ведомству образования, развив стройную систему доказательств крайней необходимости именно латинского языка в будущем коммунистическом обществе. Самое любопытное, что в своей борьбе с чиновничьим невежеством он не знал поражений. Вспоминается случай, когда одному из корреспондентов, опасавшемуся, что его книга по истории Византии может не появиться, профессор посоветовал посвятить ее министру просвещения и министру высшей школы в такой форме: *Viro illustrissimo Ponomarevo et viro optimo et potentissimo Piitzevo*⁵⁴.

Если препоны бюрократической системы Сюзюмов умел ловко обходить, то пролеткультовская идеология вызывала у него всегда только одну реакцию — бурное негодование. Полное неприятие мнения оппонента или аргументов противоположного идейного течения ученый именовал гиперкритикой и считал это самым опасным для науки. Профессиональный атеист, по его мнению, "некритически относится к литературе и самую бессовестную гиперкритику... принимает за высшее проявление научности!"⁵⁵ М.Я. Сюзюмов постоянно говорил и довольно часто писал своим коррес-

⁴⁸ ГАСО, Ук. Ф. Д. 154, Л. 4.

⁴⁹ ГАСО, Ук. Ф. Д. 154, Л. 4.

⁵⁰ Сюзюмов М.Я. Историческая роль Византии и ее место во всемирной истории (в порядке дискуссии) // ВВ, 1968, т. 29, с. 34.

⁵¹ ГАСО, Ук. Ф. Д. 5, Л. 11 сл.

⁵² Сюзюмов М.Я. Историческая роль Византии... С. 37.

⁵³ ГАСО, Ук. Ф. Д. 5.

⁵⁴ ГАСО, Ук. Ф. Д. 153, Л. 5.

⁵⁵ Там же, Л. 9.

пондентам, что Пролеткульт, будучи раскритикованным в литературе, "сохранился в истории (Покровщина и пр.), в праве и т.д. — пролеткультовская методология перенесена в прошлое..."⁵⁶. Свое отношение к подобным принципам он определял как "звериную ненависть к пролеткультовцам в науке, покровщине, структурализму, модельщикам и тому подобностям"⁵⁷.

Особенно огорчало М.Я. Сюзюмова, что пролеткультовские методы проникали в учебные программы гуманитарных факультетов университетов. Он писал в июле 1964 г. одному из своим постоянных московских коллег: "Если не изменится это дюринганско-махистско-богдановское направление в организации университетского исторического образования — то у нас совсем не будет людей, читающих книги по византиноведению!.. Конечно, историческая наука в конце концов выживет, но не знаю, доживу ли я до этого: "покровщина" — очень трудноизлечимая болезнь — особого вида проказа на фронте исторической науки"⁵⁸.

М.Я. Сюзюмов считал, что ответственность за нарушение подлинно научных принципов в истории должен взять на себя прежде всего Институт истории. В письме этого же года он писал: "И Институт истории виноват в этом. Нужно иметь больше гражданского мужества в защите исторической науки"⁵⁹. Поэтому выход первого тома "Истории Византии" вызвал у него восторженную реакцию, невзирая на все ошибки и опечатки этого издания. Ученый писал в сектор византиноведения в связи с этим событием: "Конечно, "История Византии" написана РАНУ... Конечно, ИВ — не последнее слово нашего византиноведения... Восторг и радость у меня соединились прямо-таки с физической болью. Опечатки"⁶⁰. Но наряду с этим, Сюзюмов считал издание "Истории Византии" подвигом, поскольку она, по оценке ученого, была написана "в самых тяжелых условиях рецидива покровщины, во время вальпургиевой ночи всех наших современных дюринганцев, махистов, пролеткультовцев, покровщины... издание ИВ можно оценить как талантливо проведенную активную оборону византиноведения... это гигантский ледокол, который прорезал лед для дальнейших исследований о сущности роли Византии в истории человечества"⁶¹.

В докладах и статьях М.Я. Сюзюмов довольно часто цитировал Маркса. Был ли он марксистом? Очевидно, что цитата из Маркса зачастую играла в его работах роль "козырной карты", которая была все аргументы оппонента-марксиста. Но скорее она была тем щитом, который заслонял его от непризнания. Хотя сюзюмовские интерпретации Маркса всегда расходились с общепринятыми, он объяснял это тем, что он читает Маркса только по-немецки, поскольку русские переводы неточны. Он называл себя марксистом-ортодоксом, этим, вероятно, отмежевываясь от тех, кто выучил марксистские догмы по вузовским учебникам. Примитивное начетничество он определял как "стиль воинствующих безбожников и комитетов бедноты 19 года"⁶².

Главным аргументом для М.Я. Сюзюмова был факт, зафиксированный источником. Он писал, в одном из писем: "Я никогда не решусь что-либо утверждать, не имея определенных фактов в достаточном для концепции количестве..."⁶³. Ученый не терпел какого-либо "насилия" над источником. Игнорирование исследователем источника или гиперкритическое, не основывающееся на анализе, отношение к нему вызывало

⁵⁶ Там же. Д. 157. Л. 7.

⁵⁷ Там же. Л. 6. Больно пережив в молодости разрушительное действие пролеткультовской идеологии, в 70-е годы, когда стали привлекать внимание историков методы французских ученых школы "Анналов", Сюзюмов воспринял их очень настороженно. Он усмотрел в структурализме и моделировании попытку новой выхолащивающей формализации исторических процессов и поэтому несправедливо поставил в один ряд принципиально разные направления исторической науки.

⁵⁸ ГАСО. Ук. Ф. Д. 153. Л. 6.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же. Д. 163. Л. 8.

⁶¹ ГАСО. Ук. Ф. Д. 163. Л. 8.

⁶² Там же. Д. 154. Л. 4.

⁶³ Там же. Д. 157. Л. 5 об.

у Сюзюмова бурный протест. О методах работы подобных исследователей ученый написал в письме одному из своих учеников И.П. Медведеву: "Если источник не соответствует теории – горе источнику"⁶⁴.

Несомненной заслугой М.Я. Сюзюмова как ученого были его переводы византийских источников. Знатоk древних языков, он умел найти неожиданное прочтение сложного фрагмента текста, уловить тончайшие нюансы мысли автора сочинения. Сравнение первого и второго изданий "Книга Эпарха"⁶⁵ свидетельствует о постоянном стремлении ученого постигнуть точный смысл текста, вжиться в представления и понятия византийцев. Переводы трактата Юлиана Асколонита "О законе и об обычаях Палестины", "Морского закона", энкомия Льва Диакона отражают широту диапазона научных интересов ученого. Комментарии Сюзюмова к "Книге Эпарха" и "Истории Льва Диакона" воспринимаются как самостоятельные источниковедческие этюды, богатые сравнительными наблюдениями, этимологическим анализом, терминологическим поиском. Принцип "ad fontes" был для него всегда одним из главных. Однако в последние годы, почти потеряв зрение (как и слух), Сюзюмов был лишен возможности обращаться к работе непосредственно с текстом. Бумага, перо и эрудиция были его миром в старости.

Хотя, впрочем, было бы неправдой сказать, что в старости М.Я. Сюзюмов был одинок. Он был окружен учениками. Создание своей школы должно быть отнесено к одному из его дерзостных "безумств". Ученый стал собирать вокруг себя молодежь в возрасте, когда другие подводят итоги жизни: ему было около семидесяти лет. Но главное "безумство" заключалось не столько в количестве прожитых им лет, его возрасте, сколько в условиях работы в провинциальном городе. Школа возникала на энтузиазме учителя, преданности учеников, на микрофильмах и ксерокопиях, на старых книгах сюзюмовской библиотеки. Ученый щедро дарил ученикам идеи, порой преувеличивал их достоинства и ревностно опекал. Дух взаимоотношений между учителем и учениками передает приписка к письму начала 60-х годов в адрес Сюзюмова от его московского коллеги, весьма скептически воспринимавшего идею провинциальной школы: "Сердечный привет Вам и всем Вашим ученикам, которых Вы так любите и которые готовы ради Вас сражаться даже с самой истиной!"⁶⁶.

Порой, оценивая ныне успехи уральской школы, замечают, что ученики Сюзюмова и близко не подошли к планке, которая была доступна учителю⁶⁷. Но живет его дело – херсонесская экспедиция, сборник "Античная древность и средние века", научный коллектив. Каждый год в сюзюмовской аудитории проходят научные чтения памяти учителя. И совсем молодые византинисты, вчерашние студенты, уже не заставшие его живым, вдохновляются огнем, зажженным некогда.

Вокруг имени ученого сейчас ходит много легенд, живут и передаются из уст в уста его реплики, его "талльские вопросы", пересказываются анекдотические ситуации, в которые он попадал. Была в нем удивительная неповторимость, сочетание эпотажности и некой наивности. А.П. Каждан вспоминал, как однажды в разговоре с ним М.Я. Сюзюмов определил себя как человека, имеющего собственное мнение в отношении всех исторических событий от Одиссея до Колумба⁶⁸. То же можно сказать и о позиции ученого относительно всех вопросов – как философских, так и бытовых. Так, к примеру, в письме к А.Н. Чистозвонову от 9 сентября 1962 г. М.Я. Сюзюмов, выступая против "сусально-умилительного" отношения к ересям в марксистской историографии, показывает, как важно иногда отрешиться от привычного взгляда. В качестве примера он приводит противопоставление любви по расчету "чистой" любви (вопрос возник в связи с обсуждением проблемы Мюнстерской коммуны): «Вся-

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Византийская Книга Эпарха. М., 1962.

⁶⁶ ГАСО. Ук. Ф. Д. 215. Л. 4.

⁶⁷ Kazhdan A. Portraits... P. 204.

⁶⁸ Ibid.

кая любовь ДОЛЖНА сочетаться с "низменным расчетом", ведь любовь должна иметь дело с длительной совместной жизнью в обществе, и хозяйственные заботы о будущем неотделимо связаны с любовью. "Чистая" любовь, абстрагированная от всякого хозяйственно-бытового расчета – да это самый гнусный разврат!!!»⁶⁹. Затем Сюзюмов заключает, что и в науке полезно порой "оторваться от приторно-сусальных и догматически четких фраз"⁷⁰.

Один из коллег Сюзюмова сравнивал его в день 80-летия с героем агиографической литературы, поскольку ему было "свойственно дерзостно-свободное отношение к окружающему миру: ни земное тяготение, ни вихри, ни загадочность будущего не останавливают его – он преодолевает время и расстояние, господствует над стихиями и знает с будущим"⁷¹. Хотя птица Времени порой и задевала Сюзюмова своим крылом, жил он однако не столько согласуясь с эпохой, сколько вопреки ей. Впрочем, в разговорах он часто вспоминал коварство Тихи...

Поскольку эта статья написана в связи с весьма торжественной датой, позволю себе закончить ее словами из энкомия Никифора Григоры в адрес его учителя: "Без сомнения, сказанное мной только слабая тень достоинств этого человека. Но едва ли слабее, чем у других, было мое желание изобразить эти достоинства".

⁶⁹ ГАСО. Ук. Ф. Д. 165. Л. 3.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же. Д. 215. Л. 15.